УДК 930.25
DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-42-52

ИСТОРИЯ ОРИЕНТАЛИСТИКИ ПОЛЬШИ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ПОЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

© **Анита Ходковска**
магистр гуманитарных наук,
вицедиректор Архива Польской академии наук
Польша, 00-330 Варшава, Новы Свят 72
E-mail: anita.chodkowska@archiwum.pan.pl

В Архиве Польской академии наук (г. Варшава) хранится личное наследие почти 560 ученых и людей культуры, а также документы институтов Польской академии наук и других научных учреждений. Статья основана на документах из личных архивов ориенталистов и других ценителей культуры Востока. Основную идею при отборе материалов отражает цитата из труда одного из ориенталистов: «Монголия — это страна великого прошлого и многообещающего будущего». Ориенталисты и исследователи восточной Азии оставили в Архиве ПАН необыкновенные документы, являющиеся интересной творческой лабораторией для будущих поколений.
Ключевые слова: ориенталистика; история Монголии; путешествия; Внутренняя Азия; наследия; дневники; Восточный институт; Сибирь; поляки.

THE HISTORY OF POLISH ORIENTAL STUDIES IN THE MATERIALS OF THE ARCHIVE OF POLISH ACADEMY OF SCIENCES

Anita Chodkowska
Master of Humanities, Vice Director
The Archive of Polish Academy of Sciences
72 Nowy Swiat, 00-330 Warsaw, Poland
E-mail: Anita.Chodkowska@archiwum.pan.pl

Documents of orientalists and sources for East Asia's research history in the resources of the Archives of the Polish Academy of Sciences in Warsaw
In the Archives of the Polish Academy of Sciences in Warsaw there are currently being kept nearly 560 legacies of scholars and people of culture and also documentation created by the institutes of the Polish Academy of Sciences and other scientific institutions. The basis of the article are the materials from private archives of orientalists and other enthusiasts of Eastern culture. The message of the selection of materials was a quote from the work of one of them: Mongolia, a country of the great past and a promising future.
Orientalists and researchers of eastern Asia have left unique materials in the Archives of the Polish Academy of Sciences in Warsaw, which are an interesting research workshop for future generations.
Keywords: Oriental; history of Mongolia; travels; Inner Asia; legacies; memoirs; Eastern Institute; Siberia; The Poles.

В дальние страны замуж я
Отдана

За властелина дальних племен
Усун Вана.
Мой дом — палатка, шершавый войлок —
Дома стена.
Кумыс — напиток, мясо — еда
Мои и моего господина.
Я скучаю по родному дому,
В моем сердце рана.
Если б я смогла превратиться в черного
Аиста
И полететь туда, где мое
Село любимое[1].

Эти простые, но красивые, полные ностальгии стихи, найденные в наследии востоковеда С. Стасяка, отражают атмосферу исследований Дальнего востока. Ученые, предпринимавшие далекие путешествия, руководствовавшиеся любопытством и желанием изучать новые территории, возвращались домой из-за тоски, и уже там классифицировали привезенные сувениры, записывали воспоминания, оставляя очередным поколениям свое имущество и записи.

Документация исследований, которая хранится в личных архивах ученых — записки, наблюдения, эскизы, комментарии, сочинения, статьи и доклады, а также дневники, журналы и другие формы записей — со временем стали ценным дополнением архивных материалов официального характера, а, следовательно, самостоятельными историческими источниками.

В Архиве Польской академии наук в Варшаве хранится сегодня наследие 560 ученых, путешественников и людей культуры[2], а также 108 фондов, созданных учреждениями Польской академии наук, и 45 — коллективами других научных и культурных учреждений. Общий объем материалов составляет 3 400 м, причем в Варшаве находится свыше 2 600 м, а в Познани и Катовицах, где имеются отделения Архива — 740 м дел и документов.

При подготовке статьи были изучены материалы из 20 частных архивов востоковедов — Яна Рейхмана, Анания Зайончковского, Витольда Яблонского и Стефана Стасяка, историков — Людвика Базылёва и Александра Гейштора, географов — Болеслава Ольшевича, Владислава Дешки, а также путешественников, политиков, горных инженеров и многих интересующихся культурой Востока. Сосредоточим наше внимание на источниках, представленных в Архиве ПАН в Варшаве [3].

Материалы Яна Рейхмана[3] — востоковеда, тюрколога, а также историка и этнографа — очень ценны по двум причинам: этот выдающийся ученый, полиглот

---

[1] Архив Польской академии наук в Варшаве (АПАН). Ф III-197. Материалы С. Стасяка (1884–1962).

[2] По состоянию на конец февраля 2019 г., информация относится лишь к частным архивам, находящимся в Варшаве.

[3] АПАН. Ф. III-168. Материалы Я. Рейхмана (1910–1975).

был автором более чем 1 000 работ, среди которых 357 посвящено востоковедению; в его личном архиве также содержались фрагментарные материалы другого исследователя Азии — Станислава Корвин-Павловского (1889–1975).

Ян Рейхман занимался историей востоковедения в Польше, исследовал судьбы польских путешественников, отправившихся на восток, отношения между Польшей и Кавказом, Уралом и другими восточными территориями. В Архиве хранятся рукописи 15 его научных работ и более чем 700 статей и докладов. Большая их часть посвящена активности поляков в странах Востока. Сочинения дополнены записями, выписками, фотографиями и газетными вырезками. Вырезки собирались под лозунгом: «*Монголия — страна с великим прошлым и перспективным будущим*»[1].

В личном архиве Рейхмана находятся также документы, свидетельствующие о его активной профессиональной и общественной деятельности. Рейхман работал в Институте востоковедения Варшавского университета и Восточном отделении Польской академии наук, одновременно был активным членом Польского востоковедческого общества, а также Общества урало-алтайских исследований (Societas Uralo-Altaica). Участвовал в многочисленных востоковедческих конгрессах и конференциях, материалы которых также сохранились в его наследии. Он был редактором книг *„Bibliografia Polskich Prac Orientalistycznych 1944–1945”* [Библография польских востоковедческих работ], *„Szkice z dziejów orientalistyki polskiej”* [Очерки из истории польского востоковедения] и журналов *„Przegląd Orientalistyczny”* [Востоковедческий обзор], *„Rocznik Orientalistyczny”* [Востоковедческий журнал].

Как было упомянуто выше, вместе с материалами Яна Рейхмана были переданы документы Станислава Корвин-Павловского — математика, чиновника Управления контроля. С. Корвин-Павловский был соучредителем и директором Восточного института, созданного в 1926 г. Образование института связано с учреждением в 1919 г. Польского восточного общества, главной задачей которого изначально была помощь при налаживании торговых отношений, координация польской экспансии на Восток, распространение культуры и языков, а также организация репатриации поляков после войны. Похожие цели были и у созданного позже Польско-азиатского общества, в рамках которого действовали члены бывшего Русского географического общества: Кароль Богданович и Владислав Массальский; а также Юзеф Тарковский — министр польского МИД, представитель Польши в Японии и Китае; Болеслав Ольшевич — секретарь Польского географического общества. После учреждения Восточного института он стал единственной организацией в Польше, которая обеспечивала связь с Востоком как в торговле, так и в области культурного сотрудничества. В фонде Корвин-Павловского находятся документы о деятельности Польского восточного общества, Польско-азиатского общества и Восточного института, а также востоковедческого кружка молодежи[2].

---

[1] АПАН. Ф. III-168. Д. 92.

[2] Там же. Д. 225-228, 230, 231.

В определенном смысле дополнением к этим материалам является фонд Варшавского научного общества (ВНО)[1], в котором размещены документы Востоковедческого отделения, основанного при Институте антропологических наук ВНО в 1923 г. под руководством антрополога, профессора Казимежа Столыхво. Отделение пыталось развивать научную и научно-популярную деятельность, так в материалах есть приглашение Богдана Рихтера на доклад «*Chińczycy-Japończycy-Koreańczycy (wschód a Zachód. Jedność kultury dalekiego wschodu, jej cechy zasadnicze. Rasa mongolska. Chińczycy — język, charakter, pochodzenie, Japończycy — kultura, język, pochodzenie, Koreańczycy ich rola na dalekim wschodzie*» (Китайцы — Японцы — Корейцы (Восток и Запад. Единство культуры Дальнего Востока, ее основные признаки. Монгольская раса. Китайцы — характер, происхождение; Японцы — культура, язык, происхождение; Корейцы, их роль на Дальнем Востоке)[2].

Среди материалов караима Анания Зайончковского[3] — тюрколога, преподавателя турецкого языка — встречаются работы и записи, посвященные турецкому языку и литературе. Как и наследие Я. Рейхмана, материалы А. Зайончковского содержат документы о его деятельности в востоковедческих учреждениях и обществах, таких как Восточный институт Варшавского университета, Польское востоковедческое общество, Комитет по востоковедению ПАН, а также о членстве в международных обществах Societas Uralo-Altaica и Permanent International Altaistic Conference, участии в польских и международных конгрессах по востоковедению [3]. Несмотря на то, что специализация Зайончковского — тюркология, он писал рецензии и по другим научным работам, касающимся Восточной Азии, поэтому в его материалах находится документация по деятельности монголоведа Станислава Калужинского и его работа «Mongolische Elemente in der jakutischen Spreche»[4].

Научные интересы Витольда Яблонского[5] касались синологии. Он изучал этот предмет в 1924–1927 гг. в Париже и Сорбонне. После нескольких лет пребывания в Китае В. Яблонский вернулся в Варшаву и преподавал в Восточном институте. После войны он управлял Восточным институтом Варшавского университета и помогал польской дипломатической службе налаживать польско-китайские отношения. Его наследие включает сочинения, статьи, доклады по истории, культуре, языку Китая и литературные переводы. В 1932 г. вместе с двумя коллегами В. Яблонский добрался из Пекина в Сычуань, существенную часть пути пройдя пешком. Тогда он собрал много этнографических материалов, над которыми потом работал на родине. Яблонский был рецензентом магистерской работы А. Зайончковского — эта документация сохранилась, также как и тезисы доклада

[1] АПАН. Ф. I-2. Материалы Варшавского научного общества (1907–1953).
[2] Там же. Д. 31. Л. 39.
[3] АПАН. Ф. III-215. Материалы А. Зайончковского (1903–1970).
[4] Там же. Д. 68.
[5] АПАН. Ф. III-223. Материалы А. Яблонского (1901–1957).

«Системы родства турецких, монгольских и тунгусско-маньчжурских народов», подготовленного коллективом под руководством Мариана Левицкого[1].

Стефан Стасяк[2], стихи которого приведены в начале статьи, изучал философию и психологию в Вене и Париже. В круг его интересов входили история искусства и востоковедения. Во время Первой мировой войны он оказался в Петербурге, где под руководством индолога Федора Ипполитовича Щербатского он осуществлял сбор тибетских и индийских текстов по буддистской логике. Хранимое в архиве наследие лишь в небольшой степени отражает обширную область интересов Стасяка и представлено фрагментами статей, поэзией и переводами с английского, русского и санскрита. Их дополняют выписки из литературы, записи, исследовательские идеи и вырезки. Частично сохранились также документы, касающиеся его работы на семинаре по индийской филологии и культуре Львовского университета, многочисленные личные материалы и переписка.

Переписка ученых заслуживает особого внимания. Все востоковеды, о которых шла речь, обменивались письмами, обсуждали важнейшие научные события, сотрудничали и встречались на научных конференциях. В их личных архивах находится также переписка с востоковедами, наследия которых хранятся сейчас в других научных центрах, такими как С. Тадеуш Ковальский, Владислав Котвич и Мариан Левицкий. Письма отражают обмен мыслями ученых о текущих исследовательских проектах, а также их личные отношения [1; 2].

Профессор Ян Янув[3] не был востоковедом, он получил специальность языковеда-слависта во Львове и Фрайбурге. Во время Первой мировой войны служил рядовым 9-го полка пехоты австрийской армии в Стрие. 1 ноября 1914 г. раненый попал в российский плен. Несколько следующих лет Я. Янув провел в лагерях в Асшабаде, Золотой Орде, Хылкове и Ташкенте. В 1918 г. он начал работу в только что созданном Ташкентском университете, сначала в качестве доцента языковедения, а затем профессора. С 1920 г. преподавал также в местном Востоковедческом институте, выполняя некоторое время обязанности проректора. После возвращения в Польшу он состоял в Польском востоковедческом обществе, секретарем которого был в 1922–1925 гг. В его материалах сохранились тексты докладов, в том числе «*Наблюдение над частицами в славянских языках. Ч. I*», написанные для студентов Ташкентского университета, и научная работа 1940-х гг. «*Słownictwo orientalne T. H. Szewczenki*» [Востоковедческая лексика Т. Г. Шевченко].

В архиве ПАН находится также наследие историков и географов, изучавших историю и культуру Востока. В богатых материалах Людвига Базылёва[4], автора более чем 300 больших научных работ, представлены рукописи работ и статей, посвященных истории России и истории Монголии. Историческая подготовка и лингвистические способности, позволяющие выучить языки — греческий, латынь, санскрит, венгерский, сербохорватский или монгольский, позволили уче-

---

[1] АПАН. Ф. III-223. Д. 174. Материалы А. Яблонского (1901–1957).

[2] АПАН. Ф. III-197.

[3] АПАН. Ф. III-373. Материалы Я. Янува (1888–1952).

[4] АПАН. Ф. III-296. Материалы Л. Базылёва (1915–1985).

ному не только читать научные статьи без перевода, но и свободно пользоваться архивными источниками. Наследие Людвика Базылёва включает рукописи работы «Historia Mongolii» от 1979 г.[1], записки и выписки из литературы[2], которой он пользовался при ее написании. Во введении к этому труду Л. Базылёв писал: *«Для автора истории Монголии […] основой и предметом исследований […] является как настоящее, так и прошлое, тянувшееся вглубь общей истории. Прошлое монгольского народа — долгое, яркое, экзотическое и чрезвычайно интересное; оно полно славных страниц истории, на которых отражена прежде всего любовь к свободе...*[3]. В работе, описывающей историю Монголии с доисторических времен до 1970-х гг. XX в., отдельные главы посвящены культуре, окружающей среде и населению страны. Базылёв признал значимую роль Императорского Русского географического общества, основанного в 1845 г., в более подробном исследовании Монголии. Он также заметил, что «существенную роль в деятельности российских научных экспедиций сыграли поляки, сосланные после Январского восстания: Бенедикт Дыбовски, Виктор Годлевски, Александр Чекановски и Ян Черски»[4]. Большинство экспедиций охватывало только Сибирь. Работы Базылёва представлены более чем 500 страницами рукописей, вспомогательными материалами, прежде всего богатыми выписками из мировой литературы. Он очень тщательно собирал информацию из русских, немецких и английских научных статей, а также другой литературы, обычно из путевых очерков, особенно тех, которые были написаны авторами, путешествовавшими по Монголии. В выписках и записках он размещал небольшие комментарии, например, о книге С. Р. Боудена «The Modern History of Mongolia»: *«тяжелая, очень тяжелая, не очень грамотная, полная политики, в которой все теряется»*[5], или о статье Бертольда Шпулера «Die Mongolen in Iran…»: *«типичная немецкая работа — Ordung без души»*[6]. В его наследии хранится также текст доклада «Значимость исследования новейшей истории Монголии для современных международных отношений»[7], подготовленного к Конгрессу монголоведов в 1975 г., а также ксерокопии двух учебников по монгольскому языку[8].

Интересным дополнением научной статьи Базылёва является неопубликованная работа Болеслава Виляновского[9], специалиста по конкордантному праву. Интересы Виляновского были направлены на популяризацию истории азиатских стран, недооцениваемых, по его мнению, Европой. Имеющийся в Архиве исторический роман «Przebudzenie Azji» состоит почти из 200 страниц, около 40 автор

---

[1] Опубликована в 1981 г., переиздана в 1985 г. АПАН. Ф. III-296. Д. 28–29.

[2] АПАН. Ф. III-296. Д. 99-100.

[3] Там же. Д. 28. Historia Mongolii rozdziały I-XVI. Л. 1.

[4] Там же. Д. 28. Л. 194.

[5] Там же. Д. 100, л.186. Статья опубликована в Лондоне в 1968 г.

[6] Там же. Д. 101. Статья опубликована в Берлине в 1968 г.

[7] Там же. Д. 61.

[8] Там же. Д. 277. John G. Hangin Basic Course in Mongolian, 1968; Д. 281. Hans-Peter Vietze Lehrbuch der Mongolischen Spreche, 1969.

[9] АПАН. Ф. 48. Материалы Б. Виляновского (1885–1952).

посвящает монголам. В романе представлена история Монголии с I в. нашей эры — времени завоеваний Чингисхана, правления его наследников, создания Кыпчакского ханства, до 1502 г., когда Золотая Орда прекратила свое существование. Во введении Виляновский пишет: *«У Азии два совершенно разных лица. Там были древние великолепные цивилизации, но Азия была также долгие века местом обитания диких племен, которые очень беспокоили цивилизованный мир*[1]*.*

Архив ПАН также содержит богатые материалы географа Болеслава Ольшевича[2], автора многочисленных статей и докладов, касающихся географических открытий и вклада поляков в мировую науку. Один из докладов был подготовлен совместно с Яном Рейхманом — племянником Б. Ольшевича и содержал слова: *«Везде, куда сегодня направится поляк, он найдет следы предыдущих польских поколений»*[3]*.* Доклад был зачитан на собрании Подкомиссии польской диаспоры ПАН в 1960 г., а затем опубликован. Работа «Wkład Polski do Nauki światowej» [*Польский вклад в мировую науку*] также была зачитана на собрании, а затем опубликованна в материалах Общества связи с польской диаспорой[4]. В статье «Udział Polaków w rozwoju geografii» [*Участие поляков в развитии географии*] Б. Ольшевич подчеркивал роль донесений самых ранних путешественников: *«Самый первый польский путешественник по дальним неизвестным странам появился уже в XIII веке. Это был Венедикт Поляк, который в качестве переводчика сопровождал другого францисканца — Иоанна из Пьян дель Карпине — в его дипломатической миссии от Папы Римского Иннокентия IV к тогдашнему властелину монголов Куяку, внуку Чингисхана […] В польской литературе он играет выдающуюся роль как автор первого описания путешествия […] это донесение очень ценно, поскольку некоторыми деталями дополняет описание странствий и приключений, размещенное в обширной работе Иоанна из Пьян дель Карпине «Historia Mongalorum»*[5]*.* Хотя Б. Ольшевич занимался главным образом картографией, многие работы он посвятил также путешественникам и географическим открытиям.

Важно упомянуть также об архиве Владислава Дешки[6] и о его небольших работах по картографии Сибири и культуре поляков[7]. Дополнением этого архива являются материалы других профессоров географии: наследие Станислава Лещицкого[8] и Юзефа Бабича[9], занимавшегося историей географических открытий в Сибири. Однако эти архивы еще не приведены в порядок.

---

[1] АПАН. Ф. 48. Д. 1. Л. 3.

[2] АПАН. Ф. III-184. Материалы Б. Ольшевича (1893–1972).

[3] Там же. Д. 79. Л. 41. O zobrazowanie działalności Polaków na szerokim świecie.

[4] Там же.

[5] Там же. Д. 32. Л. 2–3.

[6] АПАН. Ф. III-27. Материалы В. Дешки (1892–1941).

[7] Там же. Д. 3, 4, 24.

[8] АПАН. Ф. III-409. Материалы С. Лещицкого (1907–1996).

[9] АПАН. Ф. III-371. Материалы Ю. Бабича (1926–2005).

В архиве ПАН хранится небольшое упорядоченное наследие таких географов и исследователей, как Леон Барщевский[1], Кароль Бохданович[2], Бенедикт Дыбовский[3], Фердинанд Каро[4] и Адам Шыманьский[5]. Они вели исследования в Сибири и Центральной Азии, находясь там не всегда по собственному выбору, но несмотря на это занимались научной работой с огромным увлечением. Это наследие дополняют личные архивы Габриеля Бженка[6] и биографа Бенедикта Дыбовского. Их материалы до сих пор не систематизированы, однако содержат много интересных сведений об исследователях Сибири и Азии.

Кроме научных работ, посвященных Азии, в Архиве ПАН хранятся также воспоминания людей, путешествовавших по Азии и оставивших описание увиденного. Один из них политик Юзеф Тарговский[7], который должен был обеспечить поддержку и помощь полякам, бежавшим из Сибири или ранее прибывшим на Дальний Восток, и их репатриацию. Он был соорганизатором объединений поляков в Харбине, Владивостоке и Хабаровске, а в 1919–1921 гг. стал первым официальным представителем Польши в Японии и одновременно в Китае. Его воспоминания были опубликованы в журнале «Moja misja na Dalekim Wschodzie 1920–1921» [Моя миссия на Дальнем Востоке 1920–1921]. Очень подробные материалы о пребывании в Китае и Японии он дополнил описанием охоты, организованной специально для него в Монголии дипломатами из Харбина: *«Я провел несколько дней в Монголии […] Мы отправились вечером, и на второй день утром наш вагон отцепили на этой станции [Ян-Тунь-Тунь] и перевели на боковой путь. Нас уже ждали двухколесные телеги с большими колесами с несколькими спицами, запряженные небольшими, сильными монгольскими лошадьми. […] мы шли по степи, иногда появлялись призраки водоемов или озер, которые расплывались, вызывая впечатление миража. Вечером мы дошли […] до какого-то бедного села, состоящего из нескольких хат. Китайские солдаты выбрали самую большую из них, выгнали живущих там монголов к соседям и начали наводить порядок и разжигать огонь в сенях единственной комнаты […]. Сейчас переходный период между зимой и летом, это означает, что морозы прекратились, ночи еще прохладны, но днем солнце уже сильно греет. Впрочем, здесь не бывает ни весны, ни осени. Комната выглядит как большая теплица старого типа. Вокруг расположен канал вдоль трех стен, очаг был в маленьких сенях. Над этим каналом находился так называемый канг, то есть широкая скамья, на которой можно сидеть или прилечь[8]».* Охоту признали удачной, Ю. Тарговский описал так свои впечатления о визите в Монголию: *«Эта часть Монголии — странная, хорошая земля, покрытая травой как степь, но*

---

[1] АПАН. Ф. III-131. Материалы Л. Барщевского (1849–1910).
[2] АПАН. Ф. III-4. Материалы К. Бохдановича (1864–1947).
[3] АПАН. Ф. III-327. Материалы В. Дыбовского (1833–930).
[4] АПАН. Ф. 28. Материалы Ф. Каро (1845–927).
[5] АПАН. Ф. III-24. Материалы А. Шыманьского (1852–1916).
[6] АПАН. Ф. III-382. Материалы Г. Бженка (1908–2002).
[7] АПАН. Ф. 45. Материалы Ю. Тарговского (1883–1952).
[8] Там же. Л. 85.

неиспользуемая и почти необитаемая»[1]. В своих воспоминаниях Тарговский отмечает также историческое влияние Монголии на Китай. Заинтересовавшись обычаем бинтования ног китайским женщинам, он пытался добраться до его источников, и тогда услышал: *«мне рассказывали, что в древние времена монголы, у которых рождалась девочка, бросали ее на съедение свиньям, чтобы таким образом разбудить мужество своих солдат, и отправлялись в Китай или соседнюю Маньчжурию, чтобы брать в ясырь женщин. До того, как построили великую стену для защиты от захватчиков, они начали бинтовать ноги женщинам, чтобы те не могли много ходить и сопровождать захватчиков*[2].

Свое самое впечатлительное путешествие жизни описал геолог и горный инженер Влодзимеж Дзержановский[3]. После обучения в вузе он проходил стажировку в шахте «Сатурн» в г. Челядзь под руководством профессора Хенрыка Чечотта, который в 1911 г. предложил ему участвовать в экспедиции на Алтай в поисках золота. В. Дзержановский писал: *«Алтай в 1911 г. был еще мало исследован, геологических карт почти не было. Были только географические карты с обозначенными на них золотыми рудниками. […] Я получил приказ исследовать территорию на юге от села Кокпекты, расположенного в 200 км от Усть-Каменогорска Семипалатинского округа»*[4]. Это было не первое путешествие Дзержановского по России. Он учился в Петербурге, посетил Тифлис, некоторое время вынужденно пребывал на Колыме, однако город золотоискателей произвел на него наибольшее впечатление: «[В Усть-Каменогорске] *магазины были универсальны, похожи на настоящие универмаги, особое место занимали в них зарубежные вина, сигары, ювелирные изделия и любые аксессуары для дам, хотя казалось, что женщин в рудниках почти не было. Дороги этого города были немощеные, дома — одноэтажные, обычно глинобитные. Расстояние до ближайшей железнодорожной станции в Омске — около 1 000 километров»*[5]. В работе «Pokojowy podbój Mongolii» [*Мирное завоевание Монголии*] он описал *«разведочный поход в Монголию для установления связей с местными вождями, приблизительного исследования территории в поисках золотоносных руд и понимания дальнейших перспектив…»*[6], осуществленный в 1913 г. также под руководством профессора Чечотта. *«Скоро 17 групп золотоискателей отправилось разными путями в Монголию. Каждой группой руководили геологи […] профессор предупредил всех, что не стоит рассчитывать на то, что они найдут золото в Монголии, чтобы не расстраивались. То, что мы привезем из Монголии в виде аккуратных геологических карт, будет представлять собой существенную научную ценность»*[7]. Группа профессора Чечотта, в которую входил Дзержановский, поставила себе цель исследовать озеро «Горный Канас», о

---

[1] АПАН. Ф. 45. Материалы Ю. Тарговского (1883–1952).

[2] АПАН. Ф. 45. Л. 199.

[3] АПАН. Материалы В. Дзержановского (1880–1958). Л. 23.

[4] АПАН. Ф. 23. Л. 10.

[5] Там же. Л. 11.

[6] Там же. Л. 26.

[7] АПАН. Ф. 23. Л. 28.

котором местные рассказывали невероятные вещи: *«До этого озера никогда не добрался […] никакой охотник, потому что боги стерегут путь на большую гору, они заградили доступ к озеру огромными скалами»*[1]. Вспоминая в 1957 г. поход вдоль реки, Дзержановский даже много лет спустя не мог забыть, то впечатление, которое она на него произвела. Он писал: *«река Канас на протяжении около 200 км стихия, скачущая со скалы на скалу, вся в водной пыли, с вечной шапкой даже не туч, а тумана и этой водной пыли, которая даже маленький ветер превращает в проливной дождь. На реке вой больших струй воды, падающих камней и ломающихся на берегах и сальных островах старинных деревьев. Полное бездорожье. […] Не могу здесь не удивляться еще раз жене профессора Ханне Чечотт, которой по выносливости равны были только монголы и киргизы. Быть две недели в совершенно промокшем нижнем белье и не иметь возможности за все это время нигде высохнуть»*[2]. Наконец, путешественники добрались до плоскогорья и исследовали высоту, на которой находится озеро, и его глубину. Тогда они впервые за две недели увидели солнце и небо. Много лет спустя этот поход был признан самым большим исследовательским подвигом профессора Чечотта[3].

Очевидно, что при отборе документов, связанных со странами Восточной Азии, не стоит ограничиваться только наследием востоковедов. Интересные материалы можно найти не только в трудах ученых, профессионально занимающихся языками и культурой Востока, но и в архивах политиков, историков или географов. В 1937 г. в правление шахты по добыче железной руды в Ченстохове на имя Станислава Конткевича[4] пришло письмо от топографа Кручека из восточной Анатолии. Он описывал в нем месторождения марганцевых руд в Турции и СССР[5], уговаривая Конткевича начать сотрудничество. В самом большом частном архиве ПАН, принадлежащем историку Александру Гейштору[6], были найдены неописанные фотографии территории России.

В Архиве ПАН находятся также материалы, переданные Востоковедческим институтом ПАН[7], который продолжает деятельность Востоковедческого института Варшавского университета. Вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1951 г., в Институте была составлена и выслана всем научным и культурным учреждениям в Польше *«Анкета относительно рукописей и востоковедческих архивных материалов»*. Собранные данные позволили составить каталог этих ценных материалов со всей Польши. Анкеты и фрагменты работ были переданы архиву вместе с материалами Востоковедческого института ПАН.

---

[1] АПАН. Ф. 23. Л. 29.

[2] Там же. Л. 30.

[3] Czeczott H. Wybór pism. Warswar, 1957. C. 11.

[4] АПАН. Ф. III-46. Материалы С. Конткевич (1883–1951).

[5] АПАН. Ф. 85. Л. 144–145.

[6] АПАН. Ф. III-352. Материалы А. Гейштора (1916–1999).

[7] АПАН. Ф. II-36. Материалы востоковедческого института.

Изобилие архивных материалов в наследии ученых свидетельствуют о том, что у архивистов и историков еще много работы, и они постоянно будут делать новые открытия.

Литература

1. Полянская О. Н. Российско-польское научное сотрудничество в области монголоведения в начале XX века. В. Л. Котвич (1872–1944) // Вестник архивиста. 2012. дек. URL: http://www.vestarchive.ru/lica/2083

2. Полянская О. Н. Professor Wladyslaw L. Kotwicz and the Russian Committee of Central and East Asia Research = Профессор Владислав Котвич и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Rocznik Orientalistyczny. 2014. T. LXVII, zeszyt 1. C. 196–202.

3. Полянская О. Н. Научное сотрудничество российских и польских востоковедов в первой половине XX века (по материалам архива Польской академии наук) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). 2015. Кн. 4. С. 308–316.